

КВАРТАЛ ТРЕТИИ

о Пере, или о Первом Сущем

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

Об утверждении Сотворенного (*мубда'*), кое есть Первое Сущее; о том, что бытие его — не от его самости, что оно — поддерживающая причина всего сущего и что оно не есть ни тело, ни сила в теле и не принадлежит телесному миру

Мы скажем: Всевышний вознесен над всеми степенями совершенства и ущербности, единства и множественности, частица «не» бессильна отрицать у Него атрибуты или носителей атрибутов, от коих неотъемлема черта сотворенности: Он, как мы показали, вне пределов того, к чему разумы могут отыскать дорогу силой своего света и движения мысли, и закрыт путь постижения Его каким-либо атрибутом. Однако то, что ниже Его, есть сущее — носитель атрибутов, и в наших силах найти способ содержательно говорить о нем.

Итак, коль скоро разумам посильно говорить, используя сущие в сотворенной природе атрибуты, именно о том, что «кроме Него», чье бытие сотворено Им, то мы скажем, что идущее в бытии первым, как представляется, не было, а затем стало путем творения не из чего-либо и не посредством чего-либо, и не в чем-либо, и не через что-либо, и не для чего-либо, и не с чем-либо. Оно есть Первое, и в порядке бытия его бытие — утвержденное и первое; оно

есть первый предел (*нихъя*) и первая поддерживающая причина (*'илл я'уля*), с которой связано бытие прочего сущего, устремленное ко второму пределу. Так же и в порядке бытия чисел единица есть первая и утвержденная, ибо она есть первый предел и первопричина, с коей связано бытие прочих чисел, устремленное ко второму пределу. Такова утвержденность его (Первого Сущего.— А. С.) в порядке сущего.

Что касается направленности действия и его необходимого изливания в бытие, то если бытие первого не утверждено, то и второму закрыта дорога бытия, а если бытие второго не утверждено, то третьему закрыта дорога бытия. Значит, второе и третье могут обладать бытием только тогда, когда утверждено бытие первого для них, которое и есть причина их бытия.

Итак, бытие третьего, четвертого и прочих сущих доказывает бытие первого из них, утвержденного, которое есть такая причина, что не будь ее, не было бы и прочего. Так бытие сущего утверждает существование некоего первоначала (*мабда' 'авваль*), от которого и проистекает упорядоченность сущего в бытии. Сие первоначало мы именуем Первым Разумом и Первым Сущим, бытие коего — не от его самости, а благодаря сотворению его Всевышним.

Пойдем далее от обратного и скажем: поскольку все сущее опирается в бытии на ему предшествующие поддерживающие причины и всякое сущее в своей самости является актом того, что ему предшествует, материей для его воздействия и действователем в ином, что ниже его и что есть для него материя, то из бытия сущего следует, что оно восходит к той поддерживающей причине, которая упрочена и к которой восходят все поддерживающие причины как к своему пределу, которая в своей самости есть акт, проистекающий от Того, о Ком нельзя сказать, что Он действитель, и она есть претерпевающая воздействие, но не материя, и воздействует не на отличную от себя материю. Ведь бытие любого сущего связано с утвержденностью ему предшествующей поддерживающей причины: не будь она утверждена, и его не было бы. Девятка, например, есть поддерживающая причина бытия десятки, и если ее бытие не утверждено, то и десятка не может существовать. Из того, что сущее утверждено в бытии, следует, что и поддер-

живающие причины утверждены и что сущее в направлении первого из сущего теряет свою множественность и становится более малочисленным, пока не дойдет до одной-единственной, утвержденной вещи, которая и есть предельная поддерживающая причина всех причин. Так, среди чисел бытие девятки доказывает бытие восьмерки, а бытие восьмерки доказывает бытие семерки — и так они (числа.— *А. С.*) постепенно теряют множественность, распадаясь на то, из чего возникли, пока не придут к утвержденной единице, которая есть поддерживающая причина их всех и из которой они все образованы. Бытие сей предшествующей по порядку единицы не от ее самости, но она в своей самости есть действие, [проистекающее] от того, о ком нельзя сказать, что он действитель, и она претерпевает воздействие, но не есть материя, и воздействует она не на отличную от себя материю.

А что оно (первоначало сущего.— *А. С.*) есть самостоятельный акт, мы сказали потому, что оно есть Первое Сущее (как мы то покажем далее), происшедшее от Того, о ком нельзя сказать, что Он действитель, ибо тогда, будучи действителем, Он был бы и действием, а будь Он действием, Он бы требовал того, от чего проистекла Его оность,— а это, как мы показали в своем трактате «Сады», уводит в бесконечность.

Об утверждении, как мы сказали, Первого, с которым связано всё прочее, свидетельствует наш анализ поддерживающих причин сущего и их восхождение к единому, бытие коего — не от его самости, но от иного. А именно, мы нашли, что человек, последнее из сущего и его второй предел, распадается на многочисленные испытывающие воздействие вещи, что суть как бы материя, претерпевающая воздействие, и все они суть царство Природы, и на многочисленные воздействующие вещи, для которых царство Природы стало материей; в этой материи и совершается воздействие для того, чтобы привести к бытию то, что может существовать, например, человека или нечто иное. Все они суть актуальные; они — ангелы, коим препоручен мир. Он же (то есть человек) является воздействующим на иные, от него отличные, материи, когда он создает искусственную форму; он является претерпевающим воздействие царства Природы, и он же — действие для актуально сущих ангелов, и его действительность (*фā'илийя*) — от того, что он есть

действие иного, которое и сделало его актуальным (то есть создало его).

Мы, далее, нашли, что царство Природы и в нем действующие распадаются уже на не столь многочисленные вещи, как само это царство и в нем действующие, но на меньшие их числом, а именно на первоматерию и форму и того из ангелов (то есть — актуально-сущий элемент [*‘унсур*]), для которого они стали материей в создании небесных сфер и первоэлементов. Царство Природы и в нем воздействующие суть оказывающие воздействие на человека и прочие роды сущего, суть подвергающиеся воздействию того, из чего они возникли (царство Природы — воздействию первоматерии и формы, а в нем воздействующие — воздействию им подобного воздействующего, им предшествующего), и они же суть действие актуально-сущего Ангела, всем и всему предшествующего; действительность их — от того, что они суть действие того, кто сделал их актуальными. Мы нашли, что первоматерия и форма и в них действующее распадаются на одно-единое, ибо анализ заканчивается первой из множественных самостей, за которой — а именно за двойкой — стоит только единица, и два уже не могут распадаться на некие две вещи, которые были бы для них как отцы и матери и в них действующие, как это есть для человека или первоматерии, ибо тогда так продолжалось бы до бесконечности, что влекло бы небытие сущего. Восхождением анализа к единому, с которым связано бытие всего прочего, установлено, что это единое есть утвержденная поддерживающая причина, действие в своей самости, воздействующее на свою самость и подвергающееся воздействию в своей самости.

Скажем, далее, что всякое потенциально-сущее ущербно и обретает актуальность (а она есть ступень совершенства) лишь посредством актуально-сущего, полного (*тāмм*) в своей самости и актуальности, на которое оно в том и опирается. Людские души в царстве Природы потенциальны и ущербны, а значит, обретают актуальность лишь посредством актуально-сущего, полного в своей самости и действии. Поскольку есть среди людских душ обретшие актуальность, как-то: пророки, заветники, имамы (мир им!) и их последователи, достигшие обоих совершенств и обоих счастливых, исполнившиеся добродетелей и очистившиеся от пороков,— значит, имеется актуально-сущее, полное в своей

самости и актуальности, чрез каковое актуально-сущее и достигли они совершенства и поднялись до ступени актуальности. В опоре на него — полнота их, и не будь его, не стали бы они актуальными. Итак, такое актуально-сущее существует. А если актуально-сущее, полное в своей самости и актуальности, чрез которое потенциально-сущее обретает актуальность, — если таковое актуально-сущее существует, то его самость есть либо тело, либо сила в теле, либо ни тело, ни сила в теле, так что оно не принадлежит телесному миру.

Оно не может быть телом или силой в теле, ибо наличествующие в телесном мире тела и силы в телах суть материи, претерпевающие воздействия, которые вследствие своей ущербности существуют благодаря принятию истечения (*файд*), приводящего их к совершенству, и которые не сами, а только при посредстве иного воздействующего могут придать вещи ей полагающееся, довести ее до предела ее совершенства. Например, небесные тела оказывают воздействие не сами по себе, но лишь благодаря тому, что земные тела, их влиянию подверженные, принимают их воздействия, или же земные тела оказывают воздействие не сами по себе, но лишь благодаря небесным телам, на оные земные влияющим. Все они, и влияющие, и подвергающиеся влиянию, бессильны (*'аджиза*), ибо относятся к разряду претерпевающего, ущербного в своем действии, если и способного производить многие вещи, то лишь с помощью иного действующего и при посредстве его обработки. Например, Природа бессильна произвести стекло таким же, как она способна, это произвести то, из чего стекло делается: это [сырье] обрабатывает человек, делая его стеклом. Таково же железо, которое Природа бессильна явить в бытии, как она явила серебро; бытие железа связано с работой человека, который доводит его до ступени сущего из того состояния, из которого Природа не смогла его довести. Так же и женщин Природа бессильна родить в украшениях и платьях, с разрисованными щеками и окрашенными хной руками, в чем и состоит их совершенство; наибольшее, на что она способна, — это просто явить их [в бытии], и уже человек занимается тем, чтобы полностью украсить их. Так же и души людские она не смогла произвести исполненными, не нуждающимися в своей актуальности в ином.

Все они испытывают воздействие, нуждаются в ином для свершения своего воздействия, ущербны в своей самости и акте, ибо самость их слагается из двух друг от друга отличных частей (как, например, самость человека — из тела и души), нуждающихся друг в друге для поддержания своего бытия. Тому, что ущербно, предшествует совершенное и полное в своей самости и полное в своей актуальности. Мы же предположили, что оно (Первое Сущее. — *А. С.*) полно и совершенно по самости и полно в своей актуальности, а если оно совершенно и полно по самости и акту, то оно никак не может быть ущербно по самости и акту. Если же оно не может быть ущербно, то, следовательно, не может быть телом или силой в теле, ибо тело и то, что в теле, испытывают нужду и ущербны. Итак, оно не тело и не сила в теле; а коль скоро оно не тело и не сила в теле и при том существует, следовательно, оно не принадлежит миру тел. Итак, установлено, что оно не принадлежит к телесному миру.

Если бы оно, кроме того, нуждалось для своей актуальности в другом, существуя посредством принятия воздействия одного другого (подобно душам, которые посредством принятия такого воздействия переходят из потенции в акт), то это означало бы, что оно ущербно в своей актуальности, даже будучи полным по самости. Но ущербное в своем акте, полное по самости идет после полного по самости и акту, которое выше одного разрядом и предшествует ему. А этим установлено, что идущее в бытии прежде, превышающее разрядом оное актуальное, посредством коего потенциальное переходит в акт, есть Первое Сущее, самодостаточное в своем акте и не нуждающееся для своей актуальности в ином.

Когда сие установлено, а именно, что самодостаточное, не нуждающееся в ином для своей актуальности и есть Первое Сущее, совершенное и первенствующее, мы спросим, может или нет сие Первое Сущее быть тем самым вознесенным над атрибутами Всевышним, с которым связано бытие сущего? Да примет душа со спокойной уверенностью результаты нашего расследования: нет, никак не может. Ведь сие [Первое] Сущее либо явило все сотворенное, либо само является Первым Творением. Оно не может быть Тем, от Кого явилось творение, ибо существующее от него (Первого Сущего. — *А. С.*) ущербно в своем акте;

между тем непреложное суждение гласит, что будь оно явившим творение, то от него существующее было бы совершенным, не нуждающимся в ином для своей актуальности. Коль скоро ложно, что от него появилось сотворенное, то оно есть Первое Творение, совершенное в своем акте и не нуждающееся для него в ином, каковое иное существует от него, ущербно и нуждается для своей актуальности в ином; оно — первое в бытии, опережающее в бытии прочее, полное в бытии, полнота бытия, Первый Разум, Первая Граница, Первое Творение, занимающее первый разряд бытия. Это оно, как представляется, не было, а затем стало, сотворенное совершенным и вечным; оно есть Приближенный Ангел, Величайшее Слово; и нет бога, кроме Сотворившего его.

Правильность нами сказанного о распадении и восхождении к чему-то одному утвержденному, пределу всех вещей, подтверждается тем, что дедуктивно вытекает из существования мира [законо]уложения (*'ālam al-bad'*)¹, пророческого произведения, о коем заповеди нам незыблемо свидетельствуют, из того, что этот мир соответствует Божественному произведению. То, что дает человеческой душе совершенство, жизнь и актуальность, мы разложили на то, из чего оно возникло, и обнаружили, что оно множественно, объединено же двумя вещами. Это, во-первых, Закон (*sharī'a*) и его столпы, кои суть обряды поклонения знанием и действием: первое доставляет душе формы, второе исправляет ее. Сей Закон относится к совершенству человеческой души так же, как макрокосм, вмещающий небесные сферы, первоэлементы, планеты и природные силы, относится к телу человека и его душе (а сие множественное уравнивается пророческим произведением и соответствует ему). А во-вторых, это имам, объединяющий земные границы, которые сохраняют Закон, распространяют познания о нем, призывают знать и действовать по Закону; лишь благодаря им, благодаря их научению становится человек человеком. Влияя на душу человеческую научением своим и указывая верный путь, приводя ее к ступени совершенства и уровню разумов, они для совершенства сей души — то же, что для мира актуально-сущие ангелы, коим препоручен мир² и кои оказывают свое влияние на его тела и природные силы, дабы вывести в бытие все, что может существовать из числа животных, растений и минералов. Их (ангелов.— *А. С.*)

существование в Божественном произведении равновесно и соответственно их (земных границ.— *А. С.*) существованию в пророческом произведении: как первоэлементы и силы их сами по себе не способны своим актом породить от себя производное, но только посредством на них воздействующего, и на них воздействующее само по себе [не способно на это], но лишь посредством первоэлементов и сил их, оное воздействие претерпевающих, так же и знание Закона и его основ распространяется только земными границами, которые и распространяют эти знания, открывая в них таящееся, и сами по себе сии границы не могут воздействовать на души, но могут лишь посредством начертаний, установлений и наук Закона. Таково меж ними равновесие и соответствие.

Затем, дабы добыть правдивое свидетельство правильности нами сказанного о том, на что распадается мир и в нем действующее, мы посмотрели, на что распадается Закон с его столпами и частями, земные границы, его осуществляющие, и из чего все это возникло. И вот мы обнаружили, что они распадутся не на столь же множественное, сколь множественны столпы Закона, им установленное знание и действия, но на меньшее. Первое из сих двух — Писание со всей недостижимостью его красноречивых форм; оно уравнивает и соответствует тому, на что распался мир со своими столпами³, небесными сферами и планетами, а именно первоматерии, которая составляет единство со своей формой. Второе же — исток (*'asās*), сохраняющий сие Писание, из коего истекает Закон; Писание для него подобие материи: в нем он действует, извлекая таящееся в нем знание, распространяя его, поддерживая Закон и укрепляя его. Он равновесен и соответствует Ангелу, действующему на первоматерию и форму, из которых [образовался] телесный мир и мир Природы.

Мы разложили, далее, Писание и исток на то, из чего они произошли, и нашли, что бытие их — от глаголящего (*nāṭyq*), а он — единое: так мир уложения восходит к своему пределу, за которым уже нет ничего, относящегося к его роду. Это уравнивает то и соответствует тому, на что распадутся первоматерия и форма и на них воздействующее, а оно — единое: сущее восходит к своему пределу, за которым есть только то, что к роду сущего не относится. Притом невозможно, чтобы бытие истока и Писания про-

исходило от двух вещей, но только от одной, ибо меж глаголящим и меж истоком и Писанием (источником и опорой Закона) нет посредника, как невозможно, чтобы первоматерия и форма и на них воздействующее распались на двоицу, но предел распада — первое из сущего, и если оно не обладает единичностью, то это ведет к беспредельному, а не имеющее предела существовать не может.

Мы, далее, нашли в мире Законоустановления (*'ālyam ash-sharf'*) учеников, которые могут подняться к ступени знания и достичь совершенства лишь при наличии учителя и наставника, который бы учил их и влиял на них, наставляя и исправляя их. Это соответствует установленной нами необходимости бытия того, на кого существующий потенциально опирается в обретении своей актуальности, и уравнивает оное. Мы нашли, что все осуществляющие научение и наставничество границы религии, как более, так и менее достойные из них, не способны сами по себе извлечь и уловить науки, но нуждаются в том, кто разъяснил бы им это; это соответствует нами установленному бессилию сущего (как влияющего, так и испытывающего влияние) довести вещи до их предела и соответствует оному. Мы нашли, что бессильный самостоятельно извлечь науки ущербен по самости и акту — по самости, ибо она не выправлена установлениями Закона; по акту, ибо он не обрел формы божественных религиозных знаний. Это находится в равновесии и соответствии сказанному нами о том, что всякое претерпевающее воздействие и нуждающееся для своей актуальности в ином ущербно по самости и акту — по самости, ибо она состоит из двух различных частей; по акту, ибо он нуждается в ином.

Мы также нашли, что полный по самости, ущербный по акту воздвигнут для ущербного и по самости, и по акту. Таков, например, исток, который полон по самости, ибо совершенен, и ущербен по акту, ибо нуждается для оного в Писании и Законе, дабы посредством их воздействовать на души, взывать к истолкованию (*ta'wīl*) и вести к знанию равновесия миров в пророческом произведении, исправляющему явное и связанному с действием. Это находится в соответствии и равновесии с установленным нами относительно того, что переводящий потенциальное в актуальное, не принадлежащий телесному миру полон и совершенен

по самости и ущербен по акту, ибо для его исполнения нуждается в приемлющем, которое было бы для него наподобие подвергающейся воздействию материи. Мы нашли, что исток становится истоком чрез глаголящего, полного по самости и акту, благодаря коему исток существует и к которому возвращается. Это находится в равновесии и соответствии с нами установленным бытием того, кто предшествует полному по самости и ущербному по акту (посредством коего потенциальное переходит в акт), кто полон и по самости, и по акту, то есть первого из сущего, первого предела сущего.

Мы нашли, что в мире Закона и уложения глаголящий есть основа, к которой восходят как к своему пределу все земные границы, а над ним — только Тот, Кто дал ему сей высокий ранг. Глаголящий полон по самости, ибо достиг совершенства, и полон по акту, ибо он установил и разъяснил Закон и принес ясное Писание, не нуждаясь ни в чем ином и не прибегая к помощи другого, но лишь Того, при Чем посредством существует и достиг полноты, Того, Кто над ним. Это находится в соответствии и равновесии с установленным нами относительно того, что Первое Сущее есть основа, к которой восходит все сущее как к своему пределу, что над ним — только сотворивший его Всевышний и что оно полно по самости и акту.

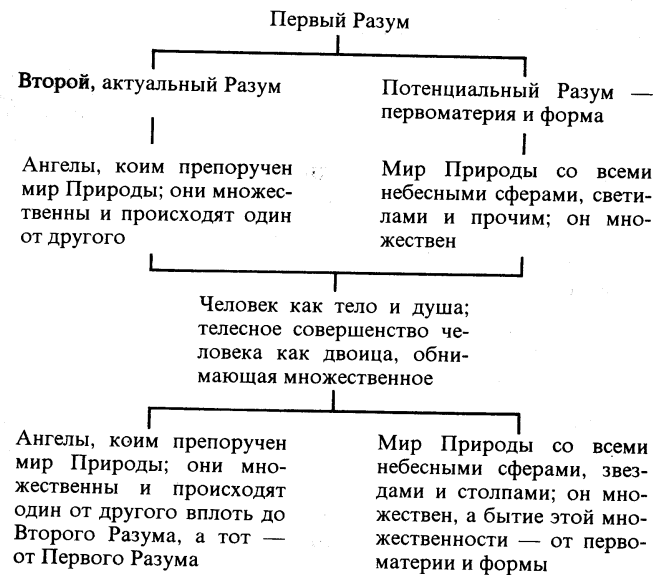
Поскольку глаголящий является поддерживающей причиной, к которой восходит как к пределу все, что есть в религиозном уложении, будь то потенциальное или актуальное, и от него (глаголящего. — А. С.) сущее равносечно богосотворенной природе, то тем самым доказано, что Первое есть поддерживающая причина, к которой восходят как к пределу все поддерживающие причины, и как глаголящий есть первооснова (*'asly 'awwal*), от которой возникли Писание и исток, так же и Первое есть первооснова, от которой возникли первоматерия и отличная [от нее] форма; как глаголящий стал глаголящим не при содействии кого-либо из своего людского рода, так же и бытие Первого не проистекает от чего-либо из его рода; как глаголящий стал сущим чрез иного, посредством коего — его бытие, так же и Первое стало сущим чрез иное, посредством коего — его бытие. Таково истолкование речения Божьего «подобие доброго слова — доброе древо»: ⁴ подобное чрез подобное.

Из нами сказанного ясна утвержденность Первого Су-

щего — что бытие его проистекает не от него самого, что оно есть действие, воздействующее и подвергающееся воздействию в самом себе, что оно есть предел, к которому восходит все сущее, что оно не есть ни тело, ни сила в теле и не принадлежит миру телесному.

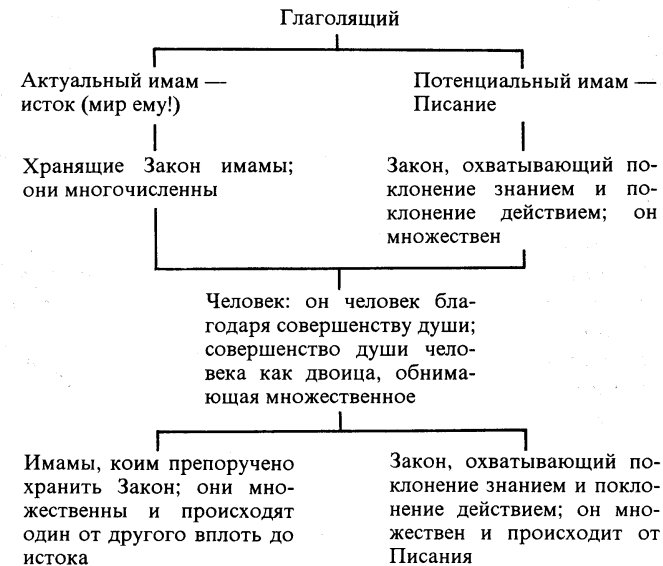
Далее приведено наглядное изображение сих сущих в их взаимной уравновешенности и взаимном соответствии; исполнен благости Господь миров, нет бога кроме Него, Всеславного и Всевышнего, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Богу прибегаю и на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР ЕДИНСТВА

Хвала Богу, наставившему нас и давшему нам силы следовать наставлению; да пребудет с нами водительство Бога и Его наместника на земле (да благословит его Бог!); лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР РЕЛИГИИ

УЛИЦА ВТОРАЯ

О том, что оно (Первое Сущее.— А. С.) происходит от Всевышнего не путем истечения, как то утверждают философы ¹, но сотворено Им, и что постичь способ его существования невозможно

Мы скажем: приняв, что бытие сущего происходит от Всевышнего путем истечения, а не путем творения, мы запечатаем в душе своей такую форму его бытия, которая не будет соответствовать истинной сути оногo сущего, ибо это с необходимостью влечет существование того, что причинно обуславливает Всевышнего, вознесенного над атрибутами, и что существовать не может. Ведь истечению свойственно принадлежать тому же роду, что и то, из чего оно истекает, а также иметь с ним нечто общее и быть с ним соотносенным. Истечение как таковое — это как бы воплощенность

того, из чего оно истекает, ибо оно есть как бы самость истечения: в том, из чего истекает истечение, заключено столько же от природы истечения, сколько в самом истечении — от природы оно, и в этом отношении между ними нет разницы. Например, свет, истечение воплощенности солнца, является (поскольку он — именно свет) как бы воплощенностью солнца, ибо и солнце есть как бы самость [своего] истечения (т. е. света.— А. С.): в самости солнца заключено света столько же, сколько из нее истекло; в этом между ними нет разницы.

Таким образом, то, из чего истекает истечение, является множественным, ибо одно в нем общее с истечением, а другое отличается от него и не является общим с ним. Тем самым его самость двойственна: одно для них обоих (источника истечения и самого истечения.— А. С.) является общим, и они в этом неразличны, в другом же между ними есть различие и наблюдается та инаковость (*ғайфа*), без которой нельзя было бы сказать, что это не есть то, а то не есть это. А множественность множественного проистекает от того, что одна часть сей множественности нуждается для своего бытия в другой ее части, не будь которой, не было бы и обеих частей; если же они обе существуют, то потому, что одна из них опирается на другую и обе они подпадают под действие их обеих охватывающей мощи.

Все это означает, что Всевышний (если от Него произошедшее сущее является истечением) множествен и подпадает в своем бытии под действие мощи кого-то иного и что Ему предшествует то, существование чего невозможно. Если же Всевышний таков, что Его оность не проистекает от иной оности, то Он выше того, чтобы иметь атрибуты малочисленности или множественности, а потому ложно, что Он двойствен. А если ложно, что Он двойствен, то ложно, что от Него произошедшее является истечением, обуславливающим в своем источнике множественность, от которой проистекала бы его самость.

Кроме того, одно из первичных суждений разума гласит, что более простое, более свободное от признаков множественности и более правильное по самости выше иного. Здесь мы находим, что истечение проще того, из чего оно истекает, ибо оно есть нечто единое, источник же ее двойствен: одно в нем является общим с истечением, а другое отлично от него. Отсюда следует, что истечению более

пристало предшествовать, нежели его источнику, ибо оно выше его: в нем множественность ничтожна, в источнике же наличествует. Итак, если оно (Первое Сущее.— А. С.) — истечение, то оно выше Того, из Кого истекло, а именно — Всевышнего, вознесенного над атрибутами; где же еще, как не в сем вопросе, следует придерживаться обратного?

Кроме того, истечение бывает только от наполненности (*тамъмийя*) самости того, из чего оно истекает, а Всевышний превыше того, чтобы быть наполненным или полным, когда бы между Ним и иным была бы общность хотя бы в одном этом смысле, и это влекло бы существование того, от кого проистекала бы Его оность. Ведь между наполненным и полным, как и между полным и наполненным, есть общность и соотнесенность, а общность и соотнесенность между двумя означают, что им обоим обязательно нечто предшествует. Если бы между Всевышним и чем-либо иным была бы хоть в чем-то общность и соотнесенность, это обязательно означало бы, что им обоим нечто предшествует; если бы сие предшествующее имело хоть какую-нибудь общность с чем-то иным, это обязательно означало бы, что и им обоим нечто предшествует, на что они оба и опираются в своем бытии. Таковое в конце концов означало бы, что сущее не существует; а коль скоро это ложно и невозможно, то ложно, что существующее от Всевышнего является истечением.

Кроме того, если бы Первое Сущее, которое есть не что иное, как Первый Разум, было истечением от Всевышнего (всеславен Он и велик!), то из этого следовало бы, что переходящие благодаря оному Первому из потенции в акт в царстве Природы разумы (а именно разумы глаголящих, истоков и имамов) относятся к тому же роду, что и Первый разум и схожи с ним в своей актуальности и обретении наполненности; а поскольку Первый Разум — истечение, и это истечение принадлежит тому же роду, что и Всевышний (всеславный, вознесенный над атрибутами!), то они не должны были бы встречать препятствий в постижении Всевышнего и описании Его Ему приличествующими атрибутами. Кроме того, тогда должно было бы прославлять (*тасбих*) разумы так же, как прославляют и Всевышнего, отрицая у Него атрибуты, ибо они были бы Ему подобны. Однако,

поскольку о разумах, обретающих в царстве Природы актуальность (а именно, разумах пророков — да благословит их Бог!), не пристало говорить, что они превыше атрибутов, сопряженностей и имеющего атрибуты — ведь они, среди прочего, описываются атрибутами, — и поскольку установлено, что они не способны должным образом сообщить что-либо о Всевышнем, и это они прославляют Всевышнего, отрицая наличие у Него атрибутов и возможность описания Его с помощью имеющего атрибуты (велико вознесен Всевышний!), из этого следует, что Первый Разум подобен этим разумам в неспособности постичь Всевышнего с помощью атрибутов, сущих среди Им сотворенного, и схож с ними в прославлении и превознесении Его над всеми чертами Им созданного. А коль скоро Первый Разум именно таков, и самость его такова вследствие оной неспособности (велик Всевышний, и имена Его величавы, великолепы, мощны, сиятельны, высоки, блистательны, светлы и вознесенны), то ложно, что возникшее от Всевышнего является истечением; а раз ложно, что возникшее от Всевышнего является истечением, то ему не остается ничего, как быть творением.

Итак, оно — то творение, бытие которого — не из чего-либо, то Первое Сущее, бытие которого — не из материи, такое Первое, что, если спросить о способе (*кайфийя*) его бытия, ответа не будет: сей способ скрыт завесой от разумов, ибо они — под его сенью, а он превыше их в их бытии. Ведь когда разумы устремляются к обретению знания о сущем, им свойственно обращаться к собственной самости и постигать то сущее постольку, поскольку они улавливают его. Однако объять сие знание не пристало разумам, ибо оно ближе к Тому, от Кого проистекает творение, нежели к Сотворенному (кое есть самость Творения), а также и потому, что оно предшествует самости разума, будучи внеположено ей. Ведь разум — это самость, исходящая в бытие посредством той мощи (*кудра*), благодаря которой и случилось творение — подлинная душа разума, а потому представляется, что знание о том, как он (Первый Разум.— *А. С.*) существует и как вообще существует нечто, возникшее не из чего-либо, находится вне самости разума и ей предшествует. Таким образом, здесь мы имеем стремление не к познанию самости творения, когда бы оно творение, а именно Первое Сотворенное, обращалось к

собственной самости и обнимало ее, но стремление к познанию Того, от Кого произошло творение и чрез Кого оно возникло. Оное же предшествует творению; а когда разум устремляется к познанию того, что предшествует его самости, он обретает лишь растерянность, ибо тогда ему нужно покинуть собственную самость; покинув же оную, он перестает быть разумом, а перестав быть разумом, впадает в неведение (*джахль*). Итак, если попытка познания предшествующего его самости ввергает его в растерянность и неведение, а способ сотворения предшествует его самости по рангу, то стремящийся к таковому получит лишь неведение и растерянность, а значит, познание оного невозможно.

Если бы, далее, разумы могли обретать оное знание, то, постигнув таковое знание, объяв и стяжав его, они бы, будучи могущими (*кадира*), не испытали бы трудности в сотворении воплощенных сущностей не из чего-либо, без посредства чего-либо и не в чем-либо. Ведь объявшему знание о вещи свойственно, будучи могущим, не затрудняться в воспроизведении оной; например, человек, обучившийся какому-либо ремеслу, легко изготовит соответствующую вещь, если ничто не препятствует ему; когда же есть таковое препятствие, ему нетрудно ясно и подробно изложить им познанное. Однако мы не видим, чтобы они (разумы.— *А. С.*) могли это; если же они не могут этого и не знают этого, значит, нет пути к обретению такого знания; а если нет к нему пути, то нечего и ждать от разумов невозможного.

Итак, коль скоро сей предмет стремлений недостижим, а Сотворенное и есть Первое Сущее (которое возникло не из чего-то предшествующего, к его роду относящегося) и тот предел познавательной деятельности разума, в котором он и восходит к сему Первому Сущему, то необходимо остановиться у сей границы и твердо признать бессилие [познать] прочее, за его (разума.— *А. С.*) пределы выходящее, дабы превознести и восславить оное: нет бога кроме Него, Всеславного и Всевышнего, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Богу взываю и на Него уповаю, к Его помощи и водительству прибегаю: Он лучшая опора; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О том, что оно есть воплощенность Творения, воплощенность Сотворенного, воплощенность единства и воплощенность единого и что оно есть Первое Сущее, которому ничто не предшествует и не идет раньше его в бытии

Мы скажем: поскольку действия множественны и всякое из них, случающееся в бытии, отличается от прочих именем, даваемым ему в соответствии с тем, каково его бытие, и коль скоро творение также является некоторым действием, то имя «творение» относится только к тому, чье бытие происходит не от чего-то, ему в бытии предшествующего и являющегося для него материей, и не при посредстве чего-либо между ним и Тем, от Кого его бытие, и не с помощью какого-либо орудия, и не по какой-либо причине, и что не может служить намеком на Того, от Кого его бытие. Сим именем указывают именно на него, желая сказать, что оно получило бытие, что у него имеется в бытии воплощенность и что его бытие — не от чего-то, ему [в бытии] предшествующего.

Когда мы говорим «творение», подразумевается нечто единое, а когда говорим «сотворенное» — нечто двойственное, а именно творение и то, что благодаря творению стало сотворенным (ведь, как известно, претерпевающее есть то, что стало таковым под действием воздействующего: действие — одно, а ставшее под оным действием претерпевающим — другое). Однако ложно, что нечто предшествует творению, когда бы творение было для него наподобие приемлющей материи (ибо сие влечет бытие того, что не сотворено Всевышней и Всеславной оностью, чего представить нельзя), и тогда каждый из сих двух (творение и ему предшествующее.— А. С.), имея то особенное, что и обусловило их инаковость, был бы отличен от другого. Такое повлекло бы обязательность бытия того, от чего проистекает бытие их обоих. Но поскольку сие невозможно, то установлено, что воплощенность творения и есть Сотворенное, а Сотворенное есть творение.

Скажем далее, что сие Сотворенное, которое и есть Творение, будучи таковым, каково оно есть, а именно свободным от материи, чрез которую осуществлялось бы его

бытие, свободным от какой-либо обусловленности Давшего ему бытие, будучи Истинным (*хаққ*) и Чистым (*махд*), не избавлено вместе с тем от признаков того, что бытие его — не чрез его самость, ибо оно таково, что соединяет два состояния: атрибут и имеющее атрибут. Такова природа всего произведенного, хотя оно (Первое Сущее.— А. С.) в силу своей простоты и не таково, каковы сущие вокруг нас, у которых атрибут — одно, а носитель атрибута — другое: ложе, например, есть некая форма в материи, причем форма не есть материя, а материя не есть форма, но одно — иное, нежели другое, и чрез них — воплощенность ложа. Нет, атрибуты, которыми оно (Первое Сущее.— А. С.) описано, принадлежат (*tābi'a*) самой самости, становящейся в своем бытии носителем атрибутов при сопряжениях, как, например, человек в сопряженности со своей самостью есть сущее, в сопряженности с родителями — ребенок, в сопряженности с детьми своих родителей — брат, в сопряженности с ребенком брата — дядя, и притом он в самом себе и как таковой един, а все эти атрибуты придаются ему по сопряженности.

Эти два состояния (атрибут и носитель атрибута.— А. С.) суть первое совершенство, с которым связано бытие самости как описанной атрибутом, и второе совершенство, с которым связано существование высокого положения (*шараф*) оной самости как атрибута; первое совершенство уподобим носителю (*хәмиль*), тогда как второе совершенство уподобим несомому (*махмӯль*). Они суть как бы два члена (*фардан*) сей самости, чрез которые и существует единое, каковое единое соединяет единство и то, что благодаря оному единству стало единым. Оно соединяет их таким образом, что, совмещая единство и множественность, свободно, вместе с тем, от признаков различности (*тағайюф*), которая обуславливала бы его бытие и означала бы, что Тот, от Кого проистекает его бытие, двойствен, причем каждое из тех двух являлось бы причиной бытия другого, что влекло бы необходимость предшествования Ему. Так оно остается свободным от тех признаков, которые означали бы существование еще одного ранга над ним. Таким образом, оно (Первое Сущее.— А. С.) едино по самости и множественно по сопряженностям: оно, например, является Творением, если сопрячь его с тем, от Кого проистекает его бытие, и Сотворенным, если сопрячь его с собственной самостью,—

такова различенность, притом что эти сопряженности не затрагивают его самости.

Эти два совершенства (как бы два члена самости Сотворенного) являются сотворенными, причем им обоим равно причитается от сотворенности. А именно первое совершенство (подобное носителю) сотворено, и второе совершенство сотворено, причем как творение они суть один член, ибо оба они — творение, а как самость сотворенного — два члена, ибо они суть два сотворенных: первое совершенство и второе совершенство. Притом невозможно, чтобы один из них, выйдя из рамок творения, стал как бы носителем творения, иным, нежели само творение, и невозможно ни одному из них предшествовать творению в чем-либо, ибо тогда, как уже объяснялось, необходимо существовало бы нечто обуславливающее Того, от Кого его (творения.— А. С.) бытие. Таким образом, существование носителя творения, иного, нежели само творение, влечет с необходимостью существование того, что является причиной для Всевышней и Всеславной ононости; однако Всевышний скрыт покрывалом, и Его ничто не обуславливает как причина, следовательно, ложно, что у творения есть носитель, иной, нежели само творение. А коль скоро ложно, что у творения есть носитель, иной, нежели само творение, так что он творением сотворяется,— значит, творение имеет тот смысл, что оно и есть сотворенное; оно (Первое Сущее.— А. С.) есть воплощенность Творения и воплощенность Сотворенного.

Кроме того, поскольку творение есть самость действия, то невозможно, чтобы между ним и Всевышним, от которого оно исходит, было нечто опосредствующее (ведь будь такое, то скорее уж оно было бы творением). А коль скоро между ним и Тем, от Кого его бытие, нет посредника, значит, ничто ему не предшествует; а раз ничто ему не предшествует, значит, оно есть первое в бытии. Первое же является единым; итак, оно есть единое.

Самость единого двойственна в силу наличия двух членов: единства и его носителя. Единство, один из членов, есть поддерживающая причина, причем такая, что если мысленно устранить ее, устранится и единое; и носитель единства (второй член) также есть единство, являясь членом, и если мысленно устранить его, вместе с ним будет устранено и единое, исчезнув из бытия. Итак, эти члены

суть поддерживающая причина бытия единого; а поскольку она — поддерживающая причина, в едином имеются следы ее воздействия. Таким образом, эти члены, служащие поддерживающей причиной, суть члены именно единого, которое является поддерживаемым следствием: итак, оно (Первое Сущее) есть воплощенность единства и воплощенность единого.

Творение (кое есть Сотворенное) является, далее, такой Первой Вещью, что, если искать до нее нечто в бытии, не найдешь ничего, заслуживающего название «вещности» или «бытия». Ведь эта Первая Вещь есть тот предел, от которого берут начало все вещи, располагаясь по градациям в бытии; то первоначало, от которого происходит все сущее: она среди сущего имеет тот же ранг, что единица среди чисел. Она есть единое, будучи первым среди сущего, как единица является первой среди чисел: именно ей (Первой Вещи.— А. С.) должно быть Единым, Первым из сущего.

Итак, сей ранг — наименьшее из малого, начало множественности — был отдан ей: всеславлен и велик Тот, от Кого она получила бытие, и Он превыше одного ранга. Ведь если бы Он, Всевышний и Превознесенный, должен был обладать сим рангом и обладал бы им, то сущее от Него было бы двойкой, а не единицей: ведь за единицей идет в бытии по порядку двойка. Но коль скоро от Него сущее является Творением, а Творение едино, а не двойственно, то установлено, что Он превыше сего ранга. Таким образом, обладание степенью первичности и единства остается за Сотворенным (которое и есть Творение): оно едино, и оно есть Сотворенное, и оно же — Творение. Оно — то Единое, которому ничто не предшествует; оно и есть тот Приближенный Ангел, который назван в Божественном предании и пророческом Законе Пером (*қалам*): единая самость, множественная чрез соотношенности и сопряженности. Всеблаг Бог, Господь миров; нет бога кроме Него, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Божьей помощи взываю и на нее полагаюсь; на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель; Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что оно совершенно, что оно беспредельно-вечное (*азалий аль-ахир*), но не изначально-вечное (*азалий аль-авваль*), что оно остается таким, как сотворено, не испытывая превращений, что оно единственно, не имея подобия, и что уразумевает оно только собственную самость

Мы скажем: уже говорилось, что Тот, от кого сущее обрело бытие (славен Он и велик!), неизречен: Его не выразить ни словом, ни местоимением. Среди предельных рангов сущего и его атрибутов нет более величественного, нежели совершенство, при коем вещь сохраняет неизменным состояние своего бытия. Поскольку Всевышний в великой славе Своей превознесен над сим рангом, то сей атрибут должен быть отдан Первому Сущему, от Него получившему бытие. Иначе и быть не может: если оно не имеет сего атрибута, значит, имеет атрибут ущербности; между тем известно, что ущербное идет в бытии по рангу после совершенного, и будь Первое Сущее ущербным, совершенным должен был бы быть Всевышний Бог, от которого оно получило бытие (ведь ущербному предшествует совершенный). Однако Его совершенство означало бы, что Его бытие проистекает от иного, чего быть не может; а раз Его совершенство влечет бытие того, чего быть не может, значит, ложно, что Он должен быть совершенным. Таким образом, сей атрибут отдан Первому Сущему, бытие коего также невозможно без Того, от Кого проистекает его бытие, свободного от черт множественности и атрибутов, необходимо означающих, что их бытие — от иного.

Итак, [Первое] Сущее, получившее бытие от Всевышнего, совершенно; однако оно не может быть совершенным, не пребывая в одном состоянии без всяких превращений. Ведь превращение (*истихāля*) — это непостоянство пребывания (*қиллят аль-бақā'*) вещи такой, какова она есть, это признак перехода из одного состояния в другое; а переход из одного состояния в другое бывает только ради приобретения чего-то и в силу какой-то нужды. Однако установлено, что Первое Сущее совершенно, не испытывая никакой нужды; а если нет нужды, нет и перехода; а если нет

перехода, нет и превращения. Если же нет превращения, следовательно, оно пребывает в одном и том же состоянии своего бытия, не испытывая превращений, не переходя из своего первоначального состояния в иное и ничуть не изменяясь, — как огонь не покидает своего состояния, оставаясь огнем и тогда, когда он освещает и когда подогревает или сжигает, и в движении частиц: во всем этом он совершает действие, только сообразное со своим бытием.

Кроме того, превращение превращающихся вещей проистекает либо от того, что они потенциальны, — а потому, устремляясь к актуальности, и превращаются путем перехода, — либо от того, что они актуальны и совершенны, — а потому стремятся вернуться к потенциальности. В обоих этих состояниях к ним привходят и их покидают акциденции, ибо эти вещи являются (хоть и сами имеют форму) материями для других форм, которым еще не случилось быть, или же становятся общей материей для чередующихся в них акциденций, когда ни одна из уже сущих акциденций не имеет преимуществ перед другой, только появляющейся, так что появляющаяся акциденция обладает силой утвержденности, а утвержденная — силой распада и исчезновения, ибо утвержденная в вещи акциденция уже получила свою долю бытия, а появляющаяся [в ней] акциденция обращена к бытию, и ни утвержденная в ней [акциденция] (хоть она — то есть то, в чем находится акциденция, — является для нее материей), ни появляющаяся в ней не могут предотвратить сей силы появления (*ат-тавл ат-тафи'*), так как предшествующую в бытии [акциденцию] (например, уже получившую [свою долю бытия]) настигает утвержденная в ней [акциденция], а возникающая в ней уподобляется утвержденной. Так эти вещи, превращаясь посредством акциденций, колеблются между потенцией и актом, свершая все то, что им должно свершить.

Итак, превращается только потенциальное в движении к своему совершенству и последующем возвращении в потенцию, и к миру возникновения и порчи относится именно такое превращающееся. Притом нечто предшествует в бытии этому миру возникновения и порчи, ибо он потенциален¹, как, например, душам нашим, поскольку они потенциальны, нечто предшествует в бытии. Однако установлено,

что Творению (кое есть Первое Сотворенное) ничто не предшествует, а следовательно, оно не принадлежит к миру возникновения и порчи; если же оно не принадлежит к миру возникновения и порчи, значит, ложно, что оно превращается: оно пребывает таким, каким сотворил его Всевышний (превознесенный над атрибутами). Всеславно же то, чей пламень совершенства неугасим, чьи воды величия не обмелеют: оно — вечно-длющееся (*сармад да'им*), не исчезающее, вечно-пребывающее (*азалий*), не погибающее и не изменяющееся.

Притом вечные длительность и пребывание его не изначальные (*аввалий*), но беспредельные (*ахирий*), ибо оно, как представляется, пребывает во веки веков и во веки вечные, ведь установлено, что существует оно не благодаря своему творцу; и предельная цель разумов, принадлежащих царству Природы, — стать на него похожими в вечной длительности и пребывании посредством приобретаемого от земных границ совершенства: став вечно-пребывающими и вечно-длющимися, они никогда не испытают превращений.

Кроме того, превращение — разновидность порчи того, кто претерпел такое превращение и перестал быть таким, каким был до оно; порча же в нем — от ущербности, а ущербность всякой вещи коренится либо в ее самости, либо в том, от чего она произошла. Однако Творение (которое есть Первое Сотворенное) являет собой само совершенство, а потому оно выше того, чтобы быть ущербным, когда бы его ущербность коренилась в его самости или в Том, от Кого оно произошло; а коли оно выше [этого], то оно — вечно-длющееся, не испытывающее превращений.

Творению (которое есть Первое Сотворенное) не может быть, далее, качественно подобного (*мисль би-н-нав'ийя*) в бытии, когда бы их было два; ведь это означало бы, что Тот, от Кого оно образовалось, как-то разделен, так что от каждой из отдельных частей и образовалось то, что с ней соотносено. Однако установлено, что Тот, от Кого оно образовалось (а именно Всевышний), не может быть подвергнут разделению ни гласно, ни молчаливо: это бы означало, что есть нечто первенствующее относительно Всевышнего, каковое существовать не может. А коли Он не может быть никоим образом подвергнут разделению ни гласно, ни мол-

чаливо, то от Него произошедшее не может быть двойцей; а если оно не может быть двойцей, то оно — единственное, не имеющее себе подобного.

Кроме того, именно Творение (которое есть Первое Сотворенное) имеет атрибут наполненности и полноты. Если бы в бытии было ему подобное, схожее с ним и равное ему, то наполненность была бы разделена между ними (так что только оба вместе являли бы собой наполненность) и уже ни один из них не был бы полным, но был бы ущербным. А если бы оно (Первое Сотворенное.— *А. С.*) было ущербным, необходимо существовало бы нечто, причинно-обуславливающее Того, от Кого оно произошло; а коль скоро ложно, что есть нечто, причинно-обуславливающее Всевышнего, то ложно, что оно ущербно (ибо оно — творение Всевышнего). Если же ложно, что оно ущербно, следовательно, оно полно и наполнено; а если оно полно и наполнено, следовательно, вне его нет ничего ему подобного в его роде. Так же, например, солнце полно и обладает наполненностью, и нет ничего вне его, что вкупе с ним образовало бы два качественных подобия; или же тело, исполненное мощи, вне которого уж нет ничего, что было бы телом: оно единственно и не имеет подобия.

Творение (которое есть Первое Сотворенное) может быть понимающим лишь собственную самость. Ведь оно — высшее сущее, а коли так, то и понимаемое им должно быть высшим из сущих; однако нет среди сущего ничего выше его самого, следовательно, оно есть понимающее только свою самость. Кроме того, поскольку оно есть наипростейшее из произведенного, оно должно понимать то, что наиболее просто; а среди сущего нет ничего проще его, следовательно, оно понимает только собственную самость, и ничто иное. Кроме того, понимающий уразумевает ради достижения совершенства и исправления самости; однако его (Первого Сотворенного.— *А. С.*) совершенство никак не в том, чтобы уразуметь нечто выше себя, а потому ему приходится уразумевать самого себя и так достигать совершенства. Ведь если бы оно достигало совершенства, уразумевая нечто иное, то ему не полагался бы сей всецелый ранг: его совершенство было бы односторонним, но не всесторонним. А это означало бы, что нечто первенствует по отношению к Тому, от Кого

оно произошло; но поскольку ложно, что нечто первенствует Всевышнему, то ранг совершенства в его всецелостности принадлежит ему (Первому Сотворенному.— А. С.). А коль скоро ранг совершенства в его всецелостности принадлежит ему, то нет ему нужды уразумевать что-либо иное, что давало бы ему совершенство.

Итак, оно разумеет лишь собственную самость, ибо, сотворенное в достаточности и величии, не нуждается в ином; это и есть Ангел, Великий, Величавый и Блистательный, Совершенный и Вечно-пребывающий, Разумеющий и Вечно-длящийся, названный в Божественном предании Словом.

О правильности нами сказанного свидетельствует существование глаголящего в мире религии, первоначала цикла (*даур*), с которым связано бытие всех прочих (входящих в мир религии.— А. С.). Он совершенен и утвержден в своем состоянии совершенства; соответственно этому в мире Творения оно (Первое Сотворенное.— А. С.) совершенно и вечно, оставаясь таким, каким произошло, без всяких превращений. Он единствен: никто не соучаствует в его пророчестве и нет в его ранге ему подобного; соответственно этому оно едино: ничто не разделяет с ним его ранга и ничто ему в том ранге не подобно, и нет ему подобного в том, чем оно обладает. Он не нуждается ни в ком из тех границ мира религии, чье бытие связано с ним, не потребно ему чье-либо послушание, ни чье-либо знание, дабы достичь оным совершенства; соответственно этому и его (Первого Сотворенного.— А. С.) существование всеохватно. А установить равновесие всего прочего здесь и там мы оставим тому, кто воистину брат наш: пусть идет нашим путем под нашим руководством, коль скоро надежно установлено, что оно (Первое Сотворенное.— А. С.) совершенно и вечно, не испытывает превращений, не имеет подобия и разумеет только свою самость. Всеблаг Бог, Господь миров, и всеславен; нет бога кроме Него; лишь Бог Великий дарует крепость и силу; на Бога уповаю и к Нему прибегаю: Он любвеобилен и милосерден; Он — наше довольство и надежный защитник!

УЛИЦА ПЯТАЯ

О чтойности (*мāхия*) его субстанции, о том, какие атрибуты должны ему принадлежать, что в его самости является носителем, а что — несомым, и что оно едино в одном смысле и множественно в другом

Мы скажем: Всевышний славнее обладания каким-либо из атрибутов, сущих в Его творении, и Он, как мы показали ранее, неизречен, в то время как высочайшие и всесовершенные атрибуты отнесены к Творению Его, ибо невозможно сему благородству, совершенству и иным превосходным атрибутам быть принадлежностью чего-то иного, нежели сие Творение: таковое означало бы, что есть нечто, причинно-обусловившее и давшее бытие Всевышнему и Всевеликому Богу. Поскольку же такое невозможно, то высшие атрибуты и высшие носители атрибутов принадлежат тому Творению, кое есть Первое среди разрядов сущего.

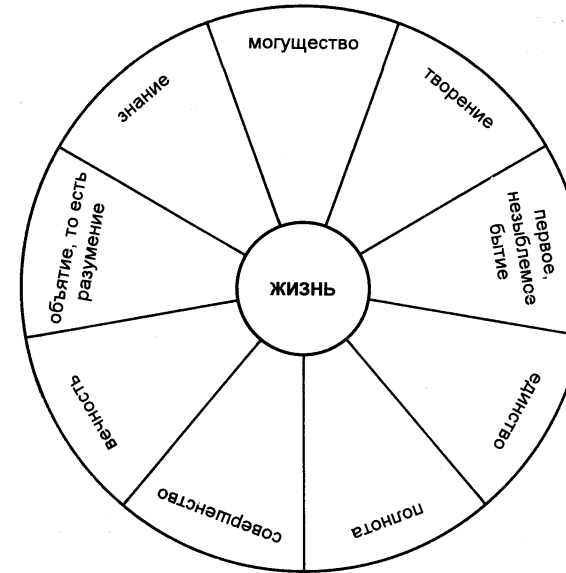
Творение, происходя от Всевышнего, не может не быть Первым Незыблемым (*хаққ 'авваль*)¹, конечной целью, которой восходит все сущее в бытии. Однако же оно не могло бы быть Незыблемым, не будучи Первым Сущим, ибо незыблемо оно именно постольку, поскольку оно есть Первое Сущее: если ложно, что оно есть Первое, то не может оно быть и Незыблемым; и Первым Сущим оно не могло бы быть, не будучи Единым, ибо оно есть Первое Сущее именно потому, что оно едино: будь оно не едино, но двойственно, оно бы не было Первым Сущим; Единым же оно не может быть, не будучи Полным, ибо именно полнота есть причина его единства: ничто из того, что подобно ему, не находится вне его (как, например, полнота тела заключается именно в том, чтобы ничто из подобного ему по телесности не находилось вне его); и Полным оно не может быть, не будучи Совершенным, ибо именно совершенство есть причина его полноты: не будь оно совершенным, не было бы и полным; Совершенным же оно не может быть, не будучи Вечным, ибо совершенство его состоит в том, чтобы пребывать в едином состоянии, не отклоняясь от оно; Вечным же оно не может быть, не будучи Разумеющим, ибо быть вечным, не испытывая превращений, оно может быть

только тогда, когда сохраняет самость свою и разумеет ее; ² Разумеющим же оно не может быть, не будучи Знающим, ибо разумеющим оно является именно потому, что знает самость свою, оную обнимая; Знающим же оно не может быть, не будучи Могущим, ибо упомянутое объятие, то есть знание самости, возможно лишь посредством Божественного могущества, чрез которое и свершается действие, а именно оно объятие; Могущим же оно не может быть, не будучи Живым, ибо могущее оно именно потому, что живо; Живым же оно не может быть, не будучи Действующим, ибо живо оно постольку, поскольку является действующим в отношении некоторого действия, являющегося пределом и обращенного к выходу из самости, так что оно бытийствует вне оной, в претерпеваемом воздействии.

Итак, Жизнь есть самость, вместившая все вышеперечисленное, посредством коего она и есть действующая, ведь не будь оно Живым, оно не было бы и Действующим, а не будь оно Действующим, не было бы и Могущим, а не будь оно Могущим, не было бы и Знающим, а не будь оно Знающим, не было бы и Разумеющим, а не будь оно Разумеющим, не было бы и Вечным, а не будь оно Вечным, не было бы и Совершенным, а не будь оно Совершенным, не было бы и Полным, а не будь оно Полным, не было бы и Единым, а не будь оно Единым, не было бы и Сущим, а не будь оно Сущим, не было бы ни Незыблемым, ни Сотворенным, а не будь оно Незыблемым и Сотворенным, не было бы и бытия — сие доказано с разъяснением причины в книге «Ступени» (*ма'аридж*), перед [главой о] простейших буквах ³.

Коль скоро это так, и поскольку бытие всякой сущей вещи — чрез нечто такое, что, исчезни оно, исчезла бы и сия вещь, так что оно нечто есть как бы утвержденный корень и опора сей сущей вещи в ее бытии, и поскольку все, что было перечислено из наивысочайшего, таково, что, если отнять его от жизни, жизнь не исчезнет, само же оно не может быть, когда нет жизни, то из этого вытекает, что все это (а именно могущество, знание, бытие, истинная незыблемость и прочее) связано с существованием жизни и пребывает, лишь на оную опираясь. Жизнь есть восприимлющая субстанция, оные же все к ней прилепились; она — как бы самость, чье бытие — от Преславного Всевышнего, первое совершенство и опора всему прочему, остальное же в бытии

своим следует за ее бытием, в ней находя опору, являясь для нее как бы вторым совершенством: она подобна центру, прочее же — описанному кругу (так можно сие наглядно представить):

Сей круг есть образ самости Творения: оно по совокупности ее живо, и по совокупности ее могуще, и по совокупности ее знающе, и по совокупности ее разумеюще, и по совокупности ее вечно, и по совокупности ее объемлет, и по совокупности ее совершенно, полно и едино, оно есть Первое Сущее, незыблемое и сотворенное.

Поскольку оно есть Творение, Первое из произведенного в бытии, такое, что от него, как ветви от ствола, образовалось все прочее сущее, то оно объемлет как все те добродетели, что зафиксированы на сем рисунке, так и все, что в тех добродетелях подспудно содержится или из них проистекает: оно есть и незыблемость, и истина; и первое бытие, и первое сущее; и единство, и единое; и вечность, и вечное; и первый разум, и первое разумеемое; и знание, и

первое знающее; и могущество, и первое могущее; и жизнь, и первое живое — единая самость, к коей прилепились сии атрибуты. Притом одни из них причитаются непосредственно его самости, другие же — чрез сопряженность его с иным, но так, что в самости от этого не возникает множественности. Напротив, здесь так же, как когда говорят «подай»: если это слово сопряжено с тем, кто выше говорящего, то оно будет мольбой, а если с тем, кто ниже его, — приказом; само слово осталось тем же, не изменившись, однако в сопряженности изменилось и стало иным. И все это принадлежит ему с необходимостью, ибо оно — первое в бытии, необходимо-содержащее высшие из совершенств и высшие из сущих. Так же, если есть огонь, обязательно будет и нагрев, и освещение, и сжигание, и распад того, что от огня распадается, и соединение того, что от огня соединяется, ибо существование всего этого влекомо оной самостью (огня.— *А. С.*): когда она есть, и они суть.

Итак, субстанция сего Творения есть субстанция жизни, и воплощенность его есть воплощенность жизни; жизнь предшествует всем прочим атрибутам, а потому и Всевышний Бог упомянул ее первой среди атрибутов: «Алм, Бог... нет другого достойного поклоняемого, кроме Его, живого, присносущего»⁴, а также: «Бог... нет другого достойного поклоняемого, кроме Его, живого, присносущего; Его не объемлет ни дремота, ни сон»⁵. Оно единично, будучи творением и единым, и оно же множественно постольку, поскольку в нем имеются, как мы показали, атрибуты.

Что же касается жизни, то приемлет она всё ей подобающее из совершенств так, как то соответствует разряду ее бытия. Если бытие ее — Первое Бытие, каковое есть Творение, то ее второе совершенство существует, влекомое ее бытием и вместе с ним, ибо здесь ей ничто не предшествует, и дело обстоит не так, что ее бытие есть ее первое совершенство, объятие же ею предшествующего — ее второе совершенство, но, напротив, здесь самость ее есть наипервейшая; поскольку же она такова, то ее первое совершенство, а именно совершенство ее самости, есть одновременно и ее второе совершенство, а именно совершенство ее атрибутов: здесь нет нужды в ином, и совершенство полно.

Если же ее бытие является бытием последующим (*мута'аххиф*), то ее второе совершенство состоит в охвате пред-

шествующего ей в бытии иного. Таково, например, бытие человека: вначале он представляет собой жизнь, обладающую могуществом; она — первое совершенство, именуемое душой, ибо она потенциальна, открыта для приятия второго совершенства. И действительно, неустанно приемлет она, учится, постигает знания и совершает действия, пока не достигнет ступени разума: она придерживается установленных обрядов общины, способных подвести душу к актуальности и достижению ступени второго совершенства, когда упорно практикует душа оные обряды и предписания, познав их явное и скрытое и не отходя от них. Когда же обуздает она себя, удерживаясь от страстей в стенах Закона, уж не должно ей именоваться более душой, ибо достигла она ступени совершенства. Таковы души глаголящих (да благословит их Бог!): непрестанно чередуются их состояния, способствуя им, бывшим в первом совершенстве своем лишь жизнью могущей, приобрести второе совершенство, достигнув ступени объятия и знания и став актуальными; когда ж обнимут они им первенствующие самости, целокупно соединяясь с оными, тогда воссияют свету Единства⁶ и достигнуто будет ими второе совершенство в том втором состоянии.

А обнимает ей первенствующее именно оной души самость; ведь если та самость достигает ступени счастья, обретая, подобно ей в бытии предшествующим самостям, первое и второе совершенства (ведь она достигает предела совершенства, где ничто из высоты и полноты тех вещей не чуждо ей), то она и есть они, но не в том смысле, что сии разумы, исходящие в мире Природы из потенции в акт, суть одновременно первенствующие высочайшие начала⁷, но в том смысле, что они таковы же, как и те, в своей актуальности, обретении совершенства и струении в них света Единства, когда приходит к воссоединению в них вся множественность. Устраиваются они (разумы.— *А. С.*) их (первоначал.— *А. С.*) устройением, так что, когда обращаются к самости своей, черпая в ней свету знаний, то потому, что как бы замечают те иные, в их самость не входящие, вещи: ведь нет меж ними различия, кроме как по первому совершенству (ибо те и другие суть нечто единое как жизнь) и по второму совершенству (ибо те и другие суть нечто единое как актуальные, вечно-длящиеся и вечно-пребывающие). Всякий из светов Единства струится

и в тех, и в других, а различающее их превосходство заключается лишь в градации бытия: первенствующие в бытии выше последующих.

Так разумы, переходящие в царстве Природы из потенции в акт, становятся обладателями и распорядителями иного, по отношению же к прочему они суть дающие совершенство, ибо от них берут начало струящиеся в душах вечные силы, так что те переживают второе воскрешение как чистые разумы, вечно-сущие, исправленные законопослушанием, оформленные вечными божественными науками. Всеславен Вседержитель творения и мироздания: нет бога кроме Него; лишь Бог Великий дарует крепость и силу; к Нему, о рабах Своих зоркому попечителю, взываю и на Него уповаю.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, что его слава, великолепие, красота и самостное ликование неопишуты; что ему невозможно познать Того, Кто вне его, от Коего проистекает его бытие, и что в том — его томление и смятение; что оно — величайшее имя и величайшее поименованное

Мы с к а ж е м: величие, великолепие, мощь, вознесенность, достоинство, слава, возвышенность, ликование, сияние, блаженство и радость всякой вещи таятся в ее втором совершенстве, оное же либо субстанциально, либо акцидентально. Акцидентально второе совершенство, например, царей, ибо заключено в их подданных, войске, богатстве, убранстве, красоте и искусстве управления; оно столь велико, что от него захватывает дух,— однако ж великолепие, слава, радость и блаженство, заключенные в субстанциальном втором совершенстве, больше оно. Поскольку второе совершенство Творения, кое есть Первое Сущее, субстанциально (а вовсе не [достигается] посредством иного), то и его величие, мощь, вознесенность, слава и самостное блаженство и ликование не поддаются описанию и превышают всякую нашу радость. Ведь все беспредельно высокое, бес-телесное в царстве Творения есть кладезь предельного бла-

женства и радости, и его улада, благоденствие, радость и красота таковы же в сопряжении с оными, сущими в нашем телесном царстве Природы, как те (то есть сущие в царстве Природы) — в сопряжении с сущими в мире зарождающемся, так что состояния сии Первого Сущего «не зрело око, и не внимало им ухо»¹, как сказал о том глаголящий (да благословит его Бог!).

Кроме того, блажен и радуется постигающий совершенное, доброе и красивое, видящий, что устроено бытие вещей с оным в согласии, а не в противоречии; чем больше постигаемое вобрало в себя совершенства, красоты, убранства, великолепия, доброустроенности и блеска, чем более совместимо оно с постигающим его, тем больше радости приносит оно постигающему, и тем более явно ликование его. Поскольку же Творение, кое есть Первый Разум, является пределом совершенства, великолепия и красоты, ибо оно — первое в бытии, поддерживающая причина, к коей восходит все сущее, а его самости ничто не уподобится в совершенстве и красоте, и нет ничего ему более близкого и соответствующего, нежели его самость, причем постигает оно самость своей же самостью, то отсюда вытекает, что ликование и блаженство, испытываемые им от своей самости, столь же велики, как и от в его самости, что их вызывает, так что превосходит это всякое описание. Да славится великий Творец его, да славится Создавший его столь величавым, Тот, от Кого произошло сие сущее и кроме Которого нет бога!

Первое Сотворение (кое есть Творение полное и совершенное), несмотря на оную полноту и совершенство, совершенно не знает Того, от Кого проистекает его бытие, и не понимает Его; бесплодна всякая такая его попытка, и уразуметь в том может оно (поскольку само оно — наисовершеннейшее и высочайшее) лишь то, что в своей же самости нашло и из оной извлекло,— лишь формы самости своей найдет оно, отойдя в изнеможении, зная, что это ему не по силам (так же точно любой из нас, возжелай он схватить пригоршню воды, будет взирать лишь на пустой, плотный сжатый кулак — собственную ладонь, но никак не воду, поймает он; или если захочет прихлопнуть, как бабочку, солнечный луч или зажать его в руке, не получит желанного, но скорее обратное), ибо оно есть действие Его, творение Его. А действиям свойственно покидать того, от

кого они проистекают, так что лики их, когда они суть, обращены не на действующего, но на собственные самости, подвергающиеся воздействию, дабы к оным прилепиться и их сохранить, ведь если бы лики действий были обращены к действующему вместо действия, то они не проистекали бы в бытие, а напротив, исчезали бы с арены бытия. Поскольку же творение является действием и чистым бытием, а лик его обращен на то, чтобы ему быть сущим, тем самым оно отстранено от Того, Кто вне его самости и от Кого оно вышло на арену бытия. Так ему не дано узреть и объять Его, а потому оно — в смятении (*му-тахаййир*); а будучи в смятении, томится оно узреть Его, дабы объять. Однако не дается ему это, и сия неспособность окутывает его как покрывало: оно в таком же смятении, как желающий схватить пригоршню воды, как томящийся желанием поймать солнечный луч².

Кроме того, разумам свойственно разуметь собственные самости оными же и воздействовать на свои самости оными же. Коли это так, то не могут они разуметь, обнимая, то, что вне их и от чего проистекает их бытие. Ведь объять то, что вне их, они могут, лишь выйдя за пределы своих самостей, а выйдя за оные пределы, они уже не суть разумы, а когда они не суть разумы, они невежественны; а коль скоро, выходя за пределы своих самостей, они перестают быть разумами и становятся невежественными, то они, будучи разумами, не могут разуметь находящегося за пределами своих самостей. Посему Первое Сотворенное, кое есть Первый Разум, не понимает Того, Кто вне его, своего славного Творца. Поскольку же оно сие не понимает, то оно — в смятении (*хайра*); оно знает о своей самости не более того, что она сотворена, но не знает Того, от Кого она получила бытие, о Ком она в смятении.

Итак, неспособно оно уразуметь Того, от кого [проистекает] его бытие, и постичь Его, и находится в смятении, однако же не вследствие ущербности своей самости, как то имеет место в отношении наших самостей, когда мы в неведении о неизвестном нам, но потому, что Всевышний превыше всякого постижения и охвата разумом, ибо постижение для постигающего означает, что оно обращается к познаваемому, ища в нем, чем его можно описать и охарактеризовать. И вот, разумам это мучительно тяжело и невозможно, они находят в том свое смятение и бессилие.

Точно так же взгляд наш не выдерживает встречи с солнечным диском не потому, что неспособен к постижению, но потому, что такова уж оность солнца: оно ослепляет направленный на себя взгляд, так что тот оказывается неспособным выдержать его сияние и, ослабевший, отворачивается.

Итак, Первый Разум в томлении и смятении, не способен постичь Того, от Кого [проистекает] его бытие. Подтверждение тому найдем мы и в божественном предании, и в толковательных рассуждениях, запрещающих вести речь о Творце, ибо сказал пророк (да благословит Бог его и род его!) сподвижникам своим: «Говорите о тварях, но не говорите о Творце». Он (да благословит его Бог!) знал, что сей предмет недоступен разумам, обращение же к нему плодит одни сомнения и уподобления (Бога сотворенному.— *А. С.*), несущие душе погибель (да охранит вас Бог!).

Кроме того, оно — величайшее имя и величайший поименованный. А именно многочисленны имена, коими в телесном мире (то есть в царстве Природы) называют Всевышнего, однако величайшее из них, подобающее лишь Ему одному и никому другому, есть Бог. Притом наидостойнейшее из Его имен есть передающее тот смысл о Поименованном, с которым согласуется сущее от Него, о котором заявляет оно естеством своим и на которое указывает состоянием своим. Сие же имя (т. е. «Бог» — *аллах*.— *А. С.*) передает смысл «страстной увлеченности» (*ильханийя*), то есть томления, и «растерянности» (*валлях*), то есть смятенности (ведь если кто-то томится страстью, о нем говорят, что он «сильно увлечен», а о смятенном — что он «расстроен» и «сбит с толку»). А значит, сие имя в двух его смыслах есть по праву имя Творения, кое есть Первое Сущее, ибо в нем наличествуют сии два смысла: томление по Тому, от Кого его бытие, и смятенность в отношении Него. Итак, поскольку сие имя с находящим в нем смыслом по праву его и имя сие — величайшее, а поименованный им — величайший, то томление и смятенность в нем установлены. Велик Бог, вознесенный над атрибутами, велико и прекрасно творение Его; нет бога кроме Него; к Богу взываю и на Бога уповаю во всем: лишь Он дарует крепость и силу. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что оно — двигатель всего движущегося, и о том, как именно оно движет; о том, что оно — поддерживающая причина всего прочего, что оно нуждается для действия своего только в своей самости; и о том, что оно — самостный разум, разумеющий свою самость и разумеемый своей самостью

Мы скажем: поскольку движение является действием, а все действия, как совершающиеся в материи, так и самосущие, обязательно имеют первоначало, то и движение имеет первоначало, от коего происходит его бытие; а раз движение в мире существует, то установлено, что оно имеет первоначало.

Установив, что оно имеет первоначало, и исследовав оное, мы найдем, что оно распадается, [во-первых], на первоначало, кое есть первый подвижный двигатель, какова, например, жизнь, струящаяся из мира Единства и Совершенства (то есть — мира Разума) в телесный мир, каковую жизнь именуют Природой и которая движет телами подобающим им образом по предписанию божественного устройства и в то же время сама движется вследствие движения их, ибо она — в них; и [во-вторых], на второй подвижный двигатель, каковы, например, второе совершенство в мире Разума и то совершенство в душах поддержанных [небом] (*му'аййадун*)¹, кое именуют то пророческой миссией, то посланнической миссией: оное совершенство движет души рода человеческого к обожанию Бога и поклонению Ему, заставляя их возжаждать добродетели и счастья, ибо призывает их к действию, — и оно же, когда возжигает в них сии желания и пробуждает в них трепет, само движется, ибо оно — в них.

Притом движение их обоих не есть самостное, но происходит от иного и является приводящим ненамеренным движением, заставляющим двигатель ненамеренно двигаться также и самого себя, когда он имеет намерение привести в движение то иное, в чем он находится. Так происходит с двигателем тел потому, что он находится в них, когда движет их, желая стяжать достигаемое прославлением, достичь блаженства вечного пребывания, а для него это

достижимо только тогда, когда он приводит их в движение; точно так же и мореплаватель приводит в движение свой корабль и движется вместе с ним, или душа приходит в движение, когда движет части своего тела. Что ж до двигателя душ², то оное [движение его] — по той причине, что он принадлежит к человеческому роду; когда обращает он свой призыв к почитанию Бога, поклонению, научению, пробуждению стремления и трепета, желая стяжать особое положение, достигаемое только таким призывом, научением, обожанием и поклонением, тогда и сам неизбежно приходит в движение, хотя бы в его намерение и не входило привести в движение свою самость.

Поскольку же это движение их — не самостное, но [проистекает] от иного, оба они приходят в движение лишь по той причине, что, двигая, то есть производя свое действие, они нуждаются в том, чтобы соприкоснуться своими самостями с тем, посредством чего происходит оное действие. Ведь если бы, приводя [нечто] в движение с какой-то целью, они не нуждались бы в ином, необходимым для достижения данной цели движения, в том, чтобы соприкасаться с оным своими самостями, то они и не двигались бы. Например, если бы душе, осуществляющей мщение, не было бы нужды приводить в движение руку (а она — иное по отношению к душе) для нанесения удара, язык — для изрыгания хулы и всего человека — для наступления на врага, то ей бы вовсе не было никакой необходимости двигаться. А коль скоро оное движение происходит лишь потому, что им обоим необходимо для совершения действия нечто иное, что как бы принимает их воздействие (каковым для природы является тело, а для душ наставников — души учеников), так что посредством обеих сторон достигается совершенство действия, и ввиду того, что ущербный и нуждающийся стоит ниже совершенного и ненуждающегося, то согласно божественному распорядку необходимо, чтобы движущемуся, нуждающемуся в ином для свершения действия двигателю предшествовало бы в бытии нечто такое, что в силу этого [предшествования] не нуждалось бы в ином для свершения действия, а значит, и было бы не ущербным, но обладало совершенством, в силу коего отпадала бы всякая нужда прибегнуть к помощи иного, изливая действие в бытие. Когда же бытие оно необходимо по [божественному] распорядку, а ничто, кроме Творения, кое есть Пер-

вое Сотворенное и Первое Сущее, не предшествует тем двум движущимся двигателям, обладая при этом совершенством и могуществом, величию, блеском и сиянием, светами и самодостаточностью, то именно Творение (Первое Сотворенное и Первое Сущее) есть неподвижный перводвигатель.

Притом он движет иное таким же образом, как совершается движение любящего к любимому или как к магниту притягивается железо. Тут дело в том, что для первого подвижного двигателя (одного из двух эманаций) предельная цель и второе совершенство (а именно ради него он прославляет, возвеличивает и превозносит [Бога], и именно в том находит свою усладу, радость и вечное пребывание) заключены в том, чтобы уразуметь предшествующий ему в бытии перводвигатель, то есть Первое Сотворенное и Первое Сущее. Если он уразумел его, это значит, что в его самости есть форма, выправленная его актуальностью и совершенством, которого он достиг в превознесении, восхвалении и прославлении, ликуя по поводу своего совершенства, пребывания и достигнутого блаженства. Форма же всегда воздействует на то, формой чего она является, приводя оное в движение туда, куда ему свойственно двигаться. Итак, сия форма, приводящая его в движение, и заставляет его действовать так, как то определено его совершенством (а оно достигнуто именно посредством этой формы), предполагающим прославление, восхваление и блаженное вечное пребывание. Однако же он, намереваясь свершить сии действия, неминуемо должен воспользоваться тем телом, в котором находится (ведь его совершенство — в том, чтобы существовать посредством сего тела и своей самости, а не самостно; именно поэтому говорится, что первое совершенство тела достигается посредством его двигателя, что и использовано в определении души: она есть совершенство для наделенного орудиями природного тела).

Когда же он, дабы свершить действие, прибегает к помощи тела, возникает движение, а именно самое вечное и совершенное из всех движений; так он становится двигателем того тела и сам движется с его движением. Вследствие вечной длительности (*давām*) действия его (предопределяемых совершенством восхваления, прославления, превознесения, радости, блаженства и ликования) это движение также вечно длится: ведь причиной движения сего движу-

щегося [двигателя] служит разумеемая форма Сотворенного (то есть Первого Сущего), которая и является его (движущегося двигателя.— *А. С.*) совершенством, форма, требующая принять разлитое во всем сущем истечение, дарующее оному сущему бытие и пребывание. Благодаря сей форме перводвигатель и стал первым двигателем иного, а движущийся [двигатель] — первым самостно движущимся; если же в нем (неподвижном двигателе.— *А. С.*) и представлять движение, то только как самостное объятие своей самости, самостное наслаждение своим величию, утверждение [Бога] и неспособность постичь Того, от Кого он произошел.

Притом сей первый подвижный двигатель не таков, как вне его сущие Разумы, свободные от всего, что было бы для них опорой (*мавдӯʿ*): самости тех Разумов суть разумение, разумеющее и разумеемое, а самость первого подвижного двигателя не есть целиком разумение, ибо в самости его есть нечто, разумом не являющееся, а именно тело, которое служит для него как бы материей или опорой и в котором он действует, уразумевает же он не благодаря своей опоре, а благодаря своей форме, совершенство которой заключено в уразумении того, что находится вне ее.

Оно, далее, является поддерживающей причиной бытия всего прочего. Ведь сущее — это следствия, поддерживаемые своими причинами, кои предшествуют ему в градации бытия и являются для него конечными целями; среди сущего же предельной целью для всех предельных целей и предшествующим для всего предшествующего является именно Творение (Первое Сотворенное и Первое Сущее), а потому оно есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Кроме того, если бы Творение (то есть Сотворенное прежде всякой вещи) не было поддерживающей причиной бытия всего прочего, то сущего не было бы. Но коль скоро сущее есть, то отсюда с необходимостью вытекает, что предел сущего (такой, что если переступить его в поисках чего-то иного, за ним лежащего, то не найдешь в бытии ничего) является той поддерживающей причиной, с которой связано бытие всей целокупности; пределом же сущего (за которым ничего нет) является не что иное, как Творение (то есть Сотворенное). Итак, Первое Сотворенное есть поддерживающая причина наличного сущего, наподобие единицы — первой из чисел.

Кроме того, вещь не способна стать причиной, поддерживающей бытие другой вещи, исключительно вследствие некоего препятствия, коренящегося либо в ней самой, либо в чем-то ином. Однако коль скоро Первое Сотворенное благодаря полноте мощи своей не встречает никакого препятствия для своего действия ни со стороны чего-то внешнего, что предшествовало бы ему, ни со стороны своей самости, в которой было бы таковое препятствие, то Первое Сотворенное (то есть Творение) есть поддерживающая причина бытия сущего.

Кроме того, нечто получает бытие от другого только тогда, когда это другое достигло конечного совершенства и предельной полноты, когда самость его богата с избытком и обладает мощью, делающей ту самость превосходной и открывающей путь бытию от него образовавшегося. Таков, например, ученый муж, преисполненный наук, изливающий их благодать на ученика, а не будь он ученым, то и не могло бы быть у него ученика; или кувшин, расплескивающий воду, когда переполнен ею, если же ее в нем мало, то ревностно хранить будет ее, нуждаясь в той воде более других, и не прольет ни капли. Поскольку же Творение (то есть Первое Сотворенное) являет конец совершенства и предел полноты и избыточной исполненности, оно и есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Кроме того, поскольку Первое Сотворенное является Первым Живым, а живым не может быть бездействующий, Первое Сотворенное является оказывающим воздействие; коль скоро оно воздействует, а воздействующее есть поддерживающая причина бытия претерпевающего его воздействия, то Первое Сотворенное есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Итак, оно — перводвигатель и первая поддерживающая причина.

Оно, далее, вследствие своего совершенства обходится без чего-либо внешнего в произведении своих действий. Ведь воздействие его осуществляется в самой его самости, и его самость является для его же самости материей, на которую оно воздействует (*яф'аль*), и формой, благодаря которой оно действует (*я'маль*). Оно таково, ибо оность Того, от Кого оно получило бытие, превыше всякой инаковости: произведенное Им не может нуждаться для своего воздействия в чем-то ином, ибо будь это так, бытие этого

иного означало бы причинную обусловленность бытия того, от кого они оба произошли, ведь два разных могут существовать только от двух разных, а соединивший в себе двух разных множествен, а множественному всегда нечто предшествует; поскольку же Всевышний никак не может быть множественным или иметь какой-либо атрибут, от Него не могут получить бытие два различных, а коль скоро невозможно существование таких двух различных, от Него происходящих, то от Него произошедшее едино; поскольку же оно едино и притом оказывает воздействие, то никак не может нуждаться ни в чем ином для произведения своего воздействия.

Итак, Первое Сотворенное не нуждается ни в чем для произведения своего воздействия в силу того, что оно — первое в бытии и поддерживающая причина бытия всего прочего. Потому-то мы и говорим, что души, нуждающиеся в поддержке чувств (а они для них — иное) ради осуществления своего действия, подобны душам животных и лишены загробной жизни; а всякая душа, взошедшая на высшую ступень действия и твердо стоящая на ней, в познании же воспарившая к высшему из сущего, объяв его в воссиявших в ее самости светах Единства, уже не будет нуждаться в чувствах для осуществления своего действия: долго искавшая и стремившаяся к свету Единства, она навсегда обретет его благодать и найдет в нем опору.

Первое Сотворенное, далее, есть разумение, разумеющее и разумеемое: разумение, ибо оно — чистый Разум, существующий от Всевышнего; разумеющее, ибо оно воздействует на свою самость и обнимает ее, а именно разумеет ее (при том для разумения своей самости, то есть для своего действия, оно не нуждается ни в чем ином, как нуждаемся мы в помощи постороннего, когда обнимаем свою самость и уразумеваем ее, — нет, самость сего Разума есть саморазумеющая); разумеемое, ибо самость его становится для него разумеемой, причем, чтобы стать разумеемым, ему нет нужды прибегать к помощи чего-то иного, что уразумело бы его, но самость его разумеема собою же. Разумеющее в нем есть одновременно разумеемое, а разумеемое — разумеющее: [они суть] единая самость. Таковы же разумы в царстве Природы, когда они обнимают свою субстанцию и познают свою самость, видя, что она — живая субстанция, упорядочившая предшествующие в бытии формы: объяввший сию

субстанцию и узнавший о сей самости, что она — живая субстанция, не является чем-то от нее отличным, а напротив, именно они (разумы.— А. С.) и суть объявшие и познавшие свою самость, а объятое и узнанное не есть нечто от них отличное: оно и есть они, а они — оно; они знают собственную самость и познаны собственной самостью. Познанный и есть познаваемый, а познаваемый и есть познанный: [они суть] единая самость. Кроме того, эти природные разумы разумеют вне их сущие Разумы, ибо подобны им: они суть разумение, когда поднимаются до ступени совершенства и сущего, обладающего совершенством, разумеющее, поскольку это разумение разумеет собственную самость, и разумеемое, поскольку самость его разумеется тем разумением, кое и есть разумеющее.

Итак, Первому Сотворенному не нужно для действия ничего, что играет роль материи для действующего, ведь если бы его действие осуществлялось только благодаря материи, оно не заслуживало бы названия первого в бытии, а Тому, Кто дал ему бытие, предшествовало бы нечто Его причинно-обусловившее. Однако, поскольку Всевышний славнее того, чтобы Ему нечто предшествовало, то и от Него сущее превышает того, чтобы рядом с ним было иное; а коль скоро рядом с ним нет иного, но само оно — поддерживающая причина [всего] иного, то оно и не нуждается ни в чем ином.

Это разъяснил Всевышний в речении Своем: «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей»³, это же явил Он в сотворенных Им землях и душах, что суть весы вероисповедные и вернейший критерий, коим распознается истина всех дел и вещей во внутреннем равновесии и взаимном соответствии, о чем — речение Всевышнего: «Мы покажем им Наши знаки в [дальних] землях и в душах их, дабы стало им ясно, что это — истина»⁴, свидетельствующая о том, что коль скоро глаголящий стоит первым среди границ своего цикла, несет всем свой призыв, подвигая их к поклонению Господу, воздействует на души их, образуя их по форме единобожия, следовательно, и Первое является двигателем всего движущегося по направлению к прославлению Творца; а также [свидетельствующая] о том, что коль скоро совершенство глаголящего, который достиг высшего предела и совершенными действиями и добрыми речами скло-

няет людей последовать своему призыву, что коль скоро оное совершенство является причиной того, что люди следуют за ним и подчиняются ему, возлюбя его и покидая своих близких, следовательно, предельное совершенство Первого и есть причина того, что оно приводит в движение все прочее так же, как любимый приводит в движение любящего; а также о том, что коль скоро глаголящий есть причина бытия всего в мире религии в его цикле, в каком цикле он стоит первым, будучи первоначалом его установлений, ритуалов и границ, следовательно, Первое есть поддерживающая причина бытия всего прочего, от него образовавшегося; а также о том, что коль скоро всесовершенный глаголящий не нуждается ни в чем содействии для установления законов поклонения и основ единобожия — истока счастья, следовательно, Первое не нуждается ни в чем для совершения своего действия; а также о том, что коль скоро глаголящий есть самостное разумение, самостно разумеющий и разумеющий свою самость ею же, и самость его разумеема для него чрез нее же, и что он стяжал совершенство, следовательно, и Первое также есть разумение, разумеющее и разумеемое. Всеславен Вознесенный над представлением и мыслью, скрытый покрывалом сего ослепительного Творения от постижения каким бы то ни было атрибутом; нет бога кроме Него; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу; к Богу взываю и на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!